

БЮРОКРАТ

монография

Максим Привезенцев

Максим Привезенцев
Бюрократ. Монография

«Издательские решения»

Привезенцев М.

Бюрократ. Монография / М. Привезенцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691821-4

«Бюрократ» — монография Максима Привезенцева о бюрократии как новом центре власти. Книга вводит должность как капитал и бюрократическую ренту, описывает бюрократический класс и три индекса: ВСІ (захваченность жизни процедурами), АОІ (алгоритмическая непрозрачность), SI (подданничество). Предлагаются проверяемые гипотезы и институциональные «антидоты», превращающие архитектуру власти в предмет политики.

ISBN 978-5-00-691821-4

© Привезенцев М.
© Издательские решения

Содержание

БЮРОКРАТ	6
Глава 1. Капитал и управление: недописанный Маркс	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Бюрократ Монография

Максим Привезенцев

© Максим Привезенцев, 2026

ISBN 978-5-0069-1821-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЮРОКРАТ монография

Максим Привезенцев

«Facebook и Instagram* (соцсети, принадлежащие компании Meta**, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ)»*

Введение

Эта книга не написана политэкономистом, который много лет сидел над моделями и регрессионными таблицами. Она написана человеком, который слишком часто оказывался между людьми и машинами власти – в судах, ведомствах, корпорациях, вокруг войн и санкций, в очередях «одного окна» и в переписке с безликими алгоритмами. Из этого опыта родилась не теория в строгом академическом смысле, а попытка честно описать сегодняшнюю вакханалию бюрократии и предложить рамку, с помощью которой профессиональные исследователи смогут сделать настоящую теорию.

Зачем вообще была нужна эта рамка

Последние годы дают ощущение, что всё важное в жизни людей проходит через какие-то «шлюзы»:

- статус «иноагента» или его отсутствие;
- возможность уехать или вернуться;
- допуск к контракту, гранту, госклиенту;
- право на счёт, соцвыплату, «цифровую услугу».

Решения формально принимают президенты, парламенты, суды, но на практике судьба человека, компании, семьи часто решается в момент, когда какой-то сотрудник (или алгоритм) ставит галочку в системе. И чем больше таких галочек, тем сильнее ощущение, что живёшь не в обществе граждан, а в обществе подданных: твой доступ к правам, деньгам, свободе передвижения – всегда условен, всегда зависит от невидимых процедур.

Эта книга родилась из накопленного раздражения на этот режим подданничества. Но, вместо того чтобы просто ещё раз пожаловаться на «плохих чиновников», возникло желание понять:

- что именно даёт такую власть должности;
- как измерить степень захваченности жизни бюрократией и алгоритмами;
- можно ли представить себе политику, которая бьётся не только за бюджеты и идеологию, но и за пересборку самих процедур.

Что здесь есть, а чего здесь нет

Здесь нет претензии на завершённую теорию политической экономии.

– Нет большого корпуса эмпирики, который бы убедительно показал: вот VCI/AOI/SI для пятидесяти стран за тридцать лет, вот доказательства, что эти индексы лучше предсказывают протесты, популизм, коррупцию и доверие, чем существующие показатели.

– Нет строгого формального аппарата уровня учебников по макроэкономике или теории игр.

Вместо этого здесь есть три вещи:

- Попытка формализовать должность как капитал.
- Из опыта адвокатских, бизнес- и гражданских историй становится слишком очевидно, что у должности есть своя «рыночная цена» и своя рента, которая не сводится к зарплате.

Эта книга предлагает язык для описания этого: должностной капитал, бюрократическая рента, управленческий класс как отдельный полюс власти.

– Введение трёх индикаторов – BCI, AOI и SI.

– Они придуманы не для красоты аббревиатур, а из практической потребности: как объяснить, что одни и те же люди могут жить в разных режимах подданничества – в соцсфере, в бизнесе, в миграции, в войне.

– BCI (bureaucratic capture index) – насколько плотно жизненные решения обмотаны процедурами и допусками.

– AOI (algorithmic opacity index) – насколько решения про людей принимают чёрные ящики.

– SI (subjection index) – насколько человек живёт в режиме подданного, а не гражданина.

– Набор гипотез и антидотов.

– Те гипотезы о связи BCI/AOI/SI с коррупцией, протестом, популизмом и доверием, которые здесь сформулированы, – это приглашение: «Вот конкретные утверждения, которые можно проверять и опровергать».

– Антидоты – прозрачность с обязательной реакцией, право на объяснение и апелляцию, сокращение шлюзов, включение подданных в дизайн, QR-экосистема – это не «панацея от всего», а пробный набор конструкций, которые хотелось бы увидеть в руках инженеров институтов и эмпирических исследователей.

От личной усталости к теоретико-программному манифесту

У этой книги очень конкретный эмоциональный источник. Это усталость от ситуаций, когда:

– фронт-офис честно старается помочь, но упирается в невидимые регламенты и «так система устроена»;

– политические дискуссии ходят по кругу вокруг лозунгов и идентичностей, почти не затрагивая того, как устроены реальные процедуры;

– большие реформы объявляются, но BCI/AOI/SI для людей почти не меняются.

В какой-то момент становится ясно: ругаться на «бюрократию» как на абстрактное зло бессмысленно. Нужна рамка, которая:

– показывает бюрократию как класс власти со своими интересами и капиталом;

– позволяет измерять, а не только ощущать захваченный объём жизни;

– даёт язык для политического требования: «снизьте BCI вот здесь» так же, как раньше говорили «снизьте бедность» или «уменьшите неравенство».

Поэтому эта книга – не учебник и не монография в классическом академическом смысле. Скорее, это теоретико-программный манифест: набор понятий, индексов, гипотез и дизайнов, который может быть принят, отвергнут, модифицирован, эмпирически проверен.

Надежда: что дальше сделают те, кто умеет лучше

Если у этой книги и есть какая-то большая амбиция, то она не в том, чтобы её автора через десять лет вспоминали как «ещё одного политэкономиста». Амбиция в другом:

– чтобы BCI, AOI и SI стали рабочими инструментами для исследовательских групп, которые умеют строить панели, базы данных и сложные модели;

– чтобы гипотезы о связи бюрократического захвата с протестами, популизмом и кризисом демократии получили не только качественные, но и количественные подтверждения или опровержения;

– чтобы антидоты были испытаны в реальных пилотах и стали частью публичной повестки – как когда-то стали ею идеи прогрессивного налогообложения, всеобщего образования или независимого суда.

В этом смысле лучшим исходом для «БЮРОКРАТА» было бы следующее: через какое-то время в статьях, докладах, законопроектах начнут появляться фразы вроде «влияние реформы

на VCI/AOI/SI», «эксперимент по снижению бюрократической ренты», «дизайн QR-экосистемы для управленцев». И уже неважно будет, кто первым предложил эти слова – важно, что ими будут пользоваться, спорить, мерить и, возможно, менять.

Если это произойдёт, значит, личная раздражённость сегодняшней вакханалией бюрократии была переведена в язык, пригодный для академической и практической работы. Если нет – значит, это была всего лишь ещё одна попытка описать эпоху, которая утонет в следующей волне документов, регламентов и обновлений алгоритмов.

Но попробовать стоило.

Как читать эту книгу

Эта книга написана так, чтобы её можно было читать двумя скоростями. Если вы пришли за теорией, двигайтесь по главам 3—6: там «должность как капитал», бюрократическая рента и появление управленческого класса как самостоятельного полюса власти. Если вы пришли за измерением, начинайте с главы 7: там архитектура индексов VCI, AOI и SI, которые переводят опыт подданного в язык данных. Если вы пришли за политическим выводом, вам в финальные части: там показано, как этот язык превращается в программу ограничения власти и в требования к институтам.

Второй маршрут – сквозной: от микромотивов к макроструктуре. Он нужен тем, кто не верит объяснениям в стиле «всё из-за плохих людей». В книге будет много определений. Это не украшение и не академическая маска. Это попытка сделать спор о бюрократии проверяемым: так, чтобы несогласие превращалось в исследование, а не в обмен эмоциями.

Бюрократия всегда присутствовала в критике капитализма, но оставалась второстепенной фигурой – тенью капитала и инструментом государства. Классическая политическая экономия привыкла смотреть на мир через две простые оси: «капитал—труд» и «государство—рынок». Эти оси описывают, кто владеет средствами производства и кто распоряжается бюджетами, налогами, регуляциями. Но в повседневной жизни всё чаще решает не тот, кто владеет заводом или голосует за бюджет, а тот, кто сидит у шлюза – у процедуры, реестра, алгоритма, экрана.

Человек больше не просто «продаёт труд капиталисту» и «обращается к государству»: он бесконечно взаимодействует с аппаратами и системами – госуслугами, банками, страховыми, платформами, миграционными и полицейскими регистрами. Его судьба зависима от длинной цепочки решений, принимаемых людьми и алгоритмами, которых он не знает и не может выбрать. Рождение, жильё, образование, кредиты, лечение, перемещение, участие в политике, видимость в публичном пространстве – всё это опосредовано бюрократическими и цифровыми шлюзами, которые решают, кого пропустить, кого задержать, кого заблокировать, а кого вообще не увидеть. Традиционный язык политэкономии описывает капитал и рынок, но почти не трогает управление шлюзами как самостоятельный источник власти.

Эта книга исходит из простого, но тяжёлого утверждения: должность, дающая контроль над шлюзами, стала автономной формой капитала. Должность – не только кресло чиновника в государственном ведомстве. Это и позиция в регуляторе, и место в тендерном комитете, и роль модератора платформы, и доступ к внутренним консолям банка, и право настраивать алгоритмы, и полномочия управлять реестрами. Там, где доступ к ресурсам, правам, информации и видимости идёт через формализованные точки пропуска, сама позиция у этих точек превращается в главный актив.

Бюрократический класс – совокупность тех, кто систематически управляет шлюзами и регламентами, – извлекает специфическую ренту: не из эксплуатации труда на фабрике и не только из владения собственностью, а из управления доступом к самим правилам, процедурам, статусам. Эта рента может быть денежной (взятки, «откаты», доступ к тендерам), поли-

тической (лояльность, голоса, управляемое включение/исключение) и символической (статусы, непотопляемость, иммунитет к санкциям). В ряде режимов именно бюрократический капитал – контроль над должностями и шлюзами – оказывается важнее экономического: собственник зависит от регулятора сильнее, чем регулятор от собственника; участь крупного бизнеса, религиозной организации, университета или культурного института решается через решения аппарата и его альянсы с платформами и силовыми структурами.

Чтобы такую перестройку описать, недостаточно добавить пару модных терминов к старой схеме. Нужна новая критика бюрократии, сопоставимая по масштабу с критикой капитала. Эта книга собирает воедино несколько традиций, которые обычно живут раздельно. От Маркса берётся внимание к классовым отношениям и рентам, к тому, как формы собственности определяют судьбу людей. От Вебера – анализ бюрократии, типов господства и легитимности, идея «железной клетки» рационального управления. От *public choice* – трезвое понимание бюрократов как игроков с собственными интересами, которые максимизируют бюджеты, полномочия и безопасность, а не «служат обществу» абстрактно. От *Lipsky* – оптика *street-level bureaucracy*: как именно на «передовой» принимаются решения, превращающие общие правила в конкретное насилие над конкретными людьми. К этому добавляется теория алгоритмического управления: алгоритмы как новые институты власти, которые фильтруют, сортируют и наказывают, часто без возможности объяснения и апелляции. Наконец, опираясь на эмпирику институтов, коррупции, развития, книга предлагает не только общие слова о «системе», но измеримые индексы и проверяемые гипотезы.

Задача «БЮРОКРАТА» – построить формальную модель должности как капитала и бюрократической ренты, ввести индексы бюрократической захваченности жизни (BCI), алгоритмической непрозрачности (AOI) и подданничества (SI), а затем показать, как они связаны с ростом, неравенством, довериям и конфликтами. Книга обещает не только новые слова, но и новый язык измерения: набор гипотез, которые можно проверять на данных, и новый горизонт политики – революцию подданных против управленческого класса, которая разворачивается не на баррикадах, а в борьбе за архитектуру процедур, реестров и кода.

Часть I. Теоретический фундамент: от капитала к должности

Глава 1. Капитал и управление: недописанный Маркс

Маркс писал свою теорию в мире, где главной сценой истории была фабрика, а главным отношением – эксплуатация наёмного труда владельцем средств производства. Капитал в его схеме – это не только деньги и машины, но и отношение, в котором одна группа людей присваивает прибавочный труд другой. Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом – не метафора, а центральный механизм исторического движения: через кризисы, революции, смену форм собственности. Государство в этой картине – инструмент классового господства, «комитет по управлению общими делами буржуазии», а политическая надстройка – совокупность институтов, прав, идей, которые закрепляют и маскируют экономическую основу.

При этом бюрократия у Маркса, хотя и появляется, остаётся второстепенной фигурой. Она описывается как часть государственного аппарата, как посредник между классами, как носитель интересов «общественной власти», но не как самостоятельный центр накопления силы. Даже когда речь идёт о чиновничестве, полиции, армии, акцент остаётся на том, кому они служат, а не на том, чем они управляют и какую собственную ренту извлекают. Маркс видит деградацию и паразитизм бюрократического слоя, но не превращает должность и контроль над процедурами в отдельный тип капитала, сравнимый по значимости с экономическим.

В этом и состоит его недописанность для нашего времени. Маркс практически не сталкивался со зрелой, разветвлённой бюрократией индустриального и постиндустриального государства, с административными системами, пронизывающими всю жизнь от рождения до смерти. Он не мог увидеть, как административный контроль над доступом к правам, статусам и ресурсам превращается в центральный источник ренты. В его схеме власть бюрократии всё ещё производна от собственности: чиновник служит капиталу или политическому правящему классу, а не превращается в самостоятельного владельца «шлюзов».

Сегодня именно здесь обнаруживается слепая зона марксовской оптики. Административный контроль над процедурами и реестрами, а тем более алгоритмический контроль над данными и потоками решений, способен генерировать устойчивую ренту независимо от владения заводом или банком. Тот, кто определяет, кто получит кредит, лицензию, пособие, контракт, регистрацию, кто будет виден на платформе, а кто исчезнет из публичного поля, фактически распоряжается чужими возможностями не меньше, чем классический капиталист распоряжается чужим трудом. Но в марксовской рамке эта власть не выделена как отдельная форма капитала.

В мире, где ключевые решения всё чаще принимаются через аппараты и алгоритмы, «недописанный Маркс» – это Маркс без теории бюрократического и алгоритмического управления как самостоятельного источника ренты. Его критика капитала остаётся необходимой, но недостаточной: она объясняет, кто владеет средствами производства, но почти не говорит о том, кто владеет шлюзами к самим правилам и процедурам. Именно эту недостающую главу – о должности как капитале и бюрократическом контроле как форме присвоения – и должно дописать дальнейшее изложение.

Часть I. Теоретический фундамент: от капитала к должности

Глава 2. Вебер, «железная клетка» и пределы рациональной бюрократии

Макс Вебер увидел то, чего не хватало Марксу: не только собственность и классы, но и формы господства, которые делают власть устойчивой и предсказуемой. Рационально-легальное господство у него строится на вере в безличные правила, процедуры и компетенции. Идеальный тип бюрократии – это машина, где каждый винтик занимает своё место по заслугам и квалификации, где решения принимаются на основе писаных норм, где личные симпатии и связи должны быть вытеснены формальным порядком. Предсказуемость и рас-

чётливость здесь важнее всего: гражданин может не любить бюрократию, но он понимает, по каким правилам она действует, и тем самым получает минимум безопасности.

Эта рациональная бюрократия у Вебера двусмысленна. С одной стороны, она необходима для сложного общества: без неё не работают налоговая система, армия, суды, образование, инфраструктура. С другой стороны, она превращается в «железную клетку» – структуру, которая подчиняет себе и чиновников, и граждан, стандартизируя и дисциплинируя их жизнь. Бюрократический порядок выступает как судьба модерна: он вытесняет харизматические и традиционные формы власти, закрепляя власть форм и процедур над живыми людьми. Вебер прекрасно понимает, что бюрократия создаёт особый слой специалистов по управлению, но его главным интересом остаётся тип господства, а не вопрос, как именно этот слой превращает свою позицию в особый ресурс.

В этом и проходят пределы веберовской схемы. Бюрократия у Вебера – прежде всего инструмент рационального господства и историческая неизбежность, а не явный носитель капитала и ренты. Он показывает, как аппараты дисциплинируют, упорядочивают, создают предсказуемость, но не доводит до конца мысль о должности как об особом объекте присвоения. Вебер видит профессионализацию и интересы чиновничества, но не формулирует бюрократический капитал – контроль над шлюзами доступа к правам, ресурсам, статусам – как сопоставимую по силе форму власти рядом с экономическим капиталом.

Именно здесь начинается то, что предстоит радикализировать в дальнейшей книге. Если взять веберовскую «железную клетку» и посмотреть на неё через оптику ренты, окажется, что бюрократия – не только судьба и инструмент, но и класс, владеющий специфическим активом: должностями, дающими власть над процедурами, реестрами и алгоритмами. То, что у Вебера выглядело как «рациональный порядок», в поздних режимах оказывается ещё и полем извлечения бюрократической ренты. Радикализация веберовской линии означает: перестроить его анализ так, чтобы бюрократия стала не только формой господства, но и самостоятельным капиталом, ради которого стоит бороться и который можно измерять.

Часть I. Теоретический фундамент: от капитала к должности

Глава 3. Нисканен, Бьюкенен и Липски: интересы бюрократов и низовое насилие

Эта глава отвечает на вопрос: что происходит с бюрократией, если перестать видеть в ней безличную «машину» и посмотреть изнутри – глазами людей, которые принимают решения, выбивают бюджеты, раздают и отнимают доступ. Подход экономистов «общественного выбора» и работы Майкла Липски дают как раз этот взгляд изнутри: они показывают интересы бюрократов сверху и повседневное насилие снизу. Но они не доводят мысль до формулы «должности как капитала» и «бюрократической захваченности жизни» – и этим открывают пространство для последующего шага.

3.1. Бюрократ как игрок: интересы по Нисканену и Бьюкенену

В оптике Нисканена и Бьюкенена бюрократ – не герой долга и не винтик машины, а игрок со своими интересами. Основной интерес руководителя ведомства – не абстрактное «общественное благо», а рост и устойчивость собственного учреждения. Бюджет ведомства в этой картине – не нейтральная строка в законе о бюджете, а главный показатель успеха, от которого зависит всё остальное:

- размер зарплат и премий;
- численность и статус аппарата;
- влияние при согласовании решений;
- престиж, возможность перехода на более высокие позиции;
- защита от сокращения, слияния, политических атак.

Отсюда ключевой образ Нисканена: «бюрократ, максимизирующий бюджет». Руководитель ведомства стремится показать вышестоящим органам и парламенту, что его структура жизненно важна и постоянно недофинансирована, хотя на деле её интерес – получить чуть больше ресурсов, чем действительно требуется. Ведомство ведёт себя как монополист:

- оно лучше всех знает свои издержки и реальные потребности;
- оно обладает информацией о последствиях сокращения;
- оно может предъявлять статистику и прогнозы, которые трудно проверить снаружи.

Бьюкенен расширяет эту рамку до общей идеи «политики без романтики»: и бюрократы, и политики движимы собственными интересами не меньше, чем участники рынка. Они максимизируют не прибыль, а власть, безопасность, влияние, комфорт. Бюрократ выбирает не только, какие документы подписать, но и какие правила поддерживать, какие коалиции строить, какие реформы саботировать. Его интересы включают:

- расширение зоны полномочий ведомства;
- размывание ответственности между структурами;
- усиление собственной незаменимости;
- создание таких процедур, которые нельзя обойти без участия данного звена.

В такой оптике бюрократическая машина превращается в набор ведомств, каждое из которых борется за ресурсы и влияние. Эта борьба идёт не только и не столько через открытые конфликты, сколько через контроль информации, игру с показателями, создание «критичности» своей функции. Интересы бюрократов здесь уже видны: они стремятся к росту бюджета, полномочий и гарантий безопасности для себя и своей структуры. Но должность выступает главным образом как средство: как позиция, с которой можно играть в эти игры, а не как capital, выделенный и названный по-имени.

3.2. Низовое насилие и защитные стратегии: Липски о «низовой бюрократии»

Если Нисканен и Бьюкенен описывают верхний этаж – руководителей и ведомства в целом, – то Липски опускается на уровень «низовых» исполнителей. Его интересует тот, кто сидит «в окошке» или выходит «в поле»:

- полицейский на улице;
- учитель в классе;
- социальный работник на участке;
- инспектор, проверяющий бизнес;
- врач в приёмном отделении;
- сотрудник, рассматривающий заявки и жалобы.

Общая ситуация для этих людей одинакова: хронический дефицит времени и ресурсов, противоречивые инструкции, давление сверху и ожидания снизу. На них обрушивается поток обращений, случаев, заявлений, кризисов, которые физически невозможно обработать «по букве закона» и «по совести» одновременно. В этих условиях ключевым становится слово «дискреция» – свобода усмотрения:

- кого принять вне очереди, а кого отправить переписывать заявление;
- на какой риск пойти ради человека, а от какого отгородиться ссылкой на правила;
- закрыть глаза на отклонение или «закрутить гайки»;
- считать человека достойным доверия или опасным и «проблемным».

Липски показывает, что низовые бюрократы развивают целый набор защитных стратегий, чтобы выдержать давление:

- упрощающие фильтры: появление негласных правил «по умолчанию» – не брать сложные случаи, делить людей на «наших» и «чужих», «надёжных» и «сомнительных»;
- жёсткая опора на формальности: требование строго всех справок и печатей даже там, где можно проявить гибкость, чтобы не нести личную ответственность;

– задержки и отсрочки: отложить решение, переложить на другое ведомство, запустить человека по большому кругу;

– клеймение и ярлыки: навешивание категорий «проблемный», «потенциальный мошенник», «опасный» – как способ заранее оправдать отказ или жёсткость.

Так возникает то, что можно назвать повседневным или «низовым» насилием бюрократии. Это насилие редко выглядит как откровенная жестокость. Оно проявляется в:

– многомесячной задержке выплаты, без которой семья оказывается на грани выживания;

– отказе в помощи по формальному поводу, который можно было бы обойти;

– включении в «серый список» людей, которым не доверяют, – и затягивании им всех решений;

– выборочном применении правил к одним и игнорировании тех же нарушений у других.

Для граждан последствия слишком ощутимы, чтобы считать это просто «особенностями работы». Люди учатся бояться ошибок, ожидают отказа, ищут обходные пути, привыкают к тому, что исход дела зависит от настроения и личных оценок конкретного исполнителя. Липски фиксирует здесь не только насилие над отдельными людьми, но и формирование антропологии подданничества: привычки жить под постоянным риском столкновения с произволом в форме «обычной процедуры».

3.3. Что дают эти две рамки и чего в них не хватает

Вместе подход экономистов «общественного выбора» и анализ Липски делают важное дело: они деморализуют и «разромантизируют» бюрократию.

– Сверху видно, что ведомства и их руководители преследуют собственные интересы, борются за ресурсы и влияние, используют информацию и регламенты в своей игре.

– Снизу видно, что исполнители не просто «передают волю закона», а вырабатывают защитные и насильственные практики, чтобы выжить и сохранить контроль.

Бюрократия становится в их описаниях пространством интересов и насилия, а не нейтральным мостиком между государством и обществом. Это и есть «микрореализм» бюрократии: взгляд на то, как принимаются решения, как деформируются правила, как рождаются очереди, отказы, унижения.

Но именно на этой высоте оба подхода останавливаются. Они дают:

– объяснение, почему бюрократы стремятся к большему бюджету, защите, влиянию;

– описание, как низовые бюрократы реализуют свою власть и защищаются от перегрузки.

Чего они не дают:

– Языка для должности как капитала.

– Ни Нисканен с Бьюкененом, ни Липски не оформляют должность как особую форму капитала, которой можно владеть и из которой можно извлекать устойчивую ренту. Бюджет, полномочия, свобода усмотрения описываются как элементы ситуации, а не как специфический актив, сравнимый с собственностью на предприятие или большой финансовый пакет.

– Понятия бюрократической захваченности жизни.

– Нет общей меры того, насколько жизнь людей подчинена бюрократическим решениям.

Есть отдельные рассказы и модели, но нет индекса, который позволил бы сказать: в этом обществе бюрократическая захваченность жизни высока, а в этом – низка; здесь подданные особенно уязвимы перед низовым насилием и рентой должностей.

– Связки между микромотивами и макроструктурой.

– Отдельные интересы бюрократов и защитные практики исполнителей не складываются в формальную модель бюрократического класса как носителя капитала, конкурирующего с экономическим капиталом. Легко увидеть ведомство, которое «тянет одеяло», или инспектора, который «перегибает палку», но трудно сказать, как это всё превращается в устойчивый класс власти.

Именно эти недостающие элементы и берёт на себя дальнейшее изложение. «БЮРОКРАТ» предлагает:

- рассматривать должность не только как место и оклад, а как собственную форму капитала, дающую ренту из контроля над шлюзами;
- описывать совокупный опыт граждан через индексы бюрократической захваченности жизни;
- строить мост от микромотиваций и низового насилия к структуре бюрократического класса и перераспределению власти между классами.

Экономисты «общественного выбора» показывают, почему бюрократия тянет ресурсы и полномочия. Липски показывает, как эта тяга превращается в повседневный страх и насилие. Следующий шаг – увидеть в этом не только набор человеческих слабостей и организационных проблем, а новый тип капитала и новый центр власти, который требует собственной критики и собственных инструментов ограничения.

Часть I. Теоретический фундамент: от капитала к должности

Глава 4. Формальная модель «должности как капитала»

Эта глава отвечает на главный вопрос: как устроена должность, если рассматривать её не как «место в штате», а как особую форму капитала, дающую устойчивую власть и доход. Чтобы перейти от интуитивной картинки к формальной модели, нужно ввести несколько определений и описать, как взаимодействуют три фигуры: капиталист, бюрократ и подданные.

4.1. Должность как формализованный пакет полномочий

Начать стоит с того, что обычно скрыто за словом «должность». В повседневном языке это выглядит как строка в штатном расписании: должность начальника отдела, инспектора, судьи, куратора, модератора, администратора. Но с точки зрения власти должность – это не название, а набор прав и обязанностей, закреплённых нормами, регламентами, внутренними инструкциями и техническими возможностями.

Должность в этом смысле – формализованный пакет полномочий над шлюзами. Шлюз – это любая точка, где решается, пропустить или не пропустить:

- выдать или не выдать разрешение, лицензию, субсидию, статус;
- зарегистрировать или не зарегистрировать сделку, фирму, брак, жалобу;
- включить или не включить человека или организацию в список получателей, допущенных, благонадёжных;
- показать или не показать информацию, сообщение, аккаунт в общей ленте.

Должность – это право управлять такими точками, пользуясь при этом:

- правом толковать правила;
- правом оценивать соответствие заявителя требованиям;
- доступом к внутренней информации и техническим системам.

Владея должностью, человек получает не только зарплату и социальный пакет. Он получает капитал доступа: возможность решать судьбы других, распоряжаться допуском к ресурсам и правам, и тем самым приобретает устойчивую позицию в структуре власти.

4.2. Бюрократическая рента и бюрократический капитал

Капитал в классическом смысле – это актив, который приносит доход: деньги, здания, оборудование, финансовые инструменты. Социальный капитал – это связи, доверие, репутация, которые открывают двери. У должности есть похожие свойства, но они завязаны не на владение вещами или отношениями, а на контроль над теми самыми шлюзами.

Бюрократическая рента – это доход, возникающий из контроля над процедурами допуска. Этот доход может принимать разные формы:

- деньги (взятки, «ускорения», доли в тендерах, платежи за обход барьеров);

- политическое влияние (способность собирать лояльность, голоса, услуги в обмен на допуск);

- статус и безопасность (непотопляемость, защита от санкций, неприкосновенность).

Бюрократический капитал – это совокупный ресурс, который даёт должность:

- гарантированное право участвовать в принятии решений о доступе;
- доступ к информации, закрытым реестрам и внутренней кухне аппарата;
- встроенность в цепочки согласований и неформальных обменов.

В отличие от экономического капитала, бюрократический капитал основан не на праве собственности, а на праве распоряжения. Его нельзя продать на рынке так же просто, как завод, но им можно пользоваться для извлечения ренты и для обмена на другие формы капитала:

- конвертировать должность в деньги, пользуясь возможностями «решить вопрос»;
- конвертировать в социальный капитал, обрастая кругом зависимых и благодарных;
- конвертировать в политический капитал, становясь незаменимой фигурой в коалициях.

Важно: речь идёт не только о высоких постах. Даже относительно низкая должность с прямым доступом к критическому шлюзу (например, регистрация прав, выдача разрешений, контроль на границе, модерация на платформе) может обладать значительным бюрократическим капиталом.

4.3. Три фигуры: капиталист, бюрократ, подданные

Чтобы увидеть, как работает бюрократический капитал, полезно представить простую схему с тремя типами участников.

- Капиталист – владелец экономического капитала: предприятия, банка, сети, платформы, недвижимости. Его доход зависит от того, сможет ли он производить товар или услугу, войти на рынок, удержать позицию, заключить контракт.

- Бюрократ – носитель бюрократического капитала: должностное лицо в государственном органе, суде, регуляторе, частной платформе или крупной корпорации, принимающее решения о допуске и статусах.

- Подданные – граждане, работники, клиенты, пользователи, мигранты, малый бизнес – все, кто не контролирует ни крупную собственность, ни важные должности, и вынуждены проходить через множество шлюзов в повседневной жизни.

Классическая политэкономия предполагает, что капиталист стоит выше бюрократа: он нанимает, финансирует, влияет на политику, а бюрократ служит либо капиталу, либо политическим элитам. Но в реальности всё чаще наблюдается обратная зависимость:

- предприятие не может работать без лицензии, допуска к тендерам, выгодных регуляторных решений;
- банк зависит от регулятора и надзорных органов;
- платформа зависит от разрешений, режимов хранения данных, регуляции модерации и рекламы;

- университет, религиозная организация, культурный институт зависят от аккредитаций, статусных решений, включения в реестры получателей поддержки.

В этих условиях капиталист вынужден учитывать волю бюрократа не меньше, чем волю рынка. Его собственность превращается в заложницу решений аппарата:

- лишение лицензии делает завод бесполезной коробкой;
- отказ в допуске к торгам лишает бизнес основного дохода;
- изменение регуляций по рекламе или комиссионной политике обнуляет бизнес-модель.

Подданные же зависят от обоих: от капиталиста – в части труда и дохода, от бюрократа – в части прав, статусов, доступа к услугам и видимости. Но именно бюрократ становится тем, кто может одновременно ограничить и капиталиста, и подданного, используя формальные полномочия и неформальные практики.

4.4. Когда бюрократический капитал доминирует над экономическим

Бюрократический капитал не всегда сильнее экономического. Есть контексты, где крупный собственник фактически подчиняет себе аппарат, превращая его в инструмент. Но для книги важны ситуации, когда баланс смещается в другую сторону. Это происходит, когда выполняются несколько условий:

- Высокая зависимость собственности от разрешений и лицензий
- Сферы, где без формального допуска нельзя работать: финансы, энергетика, строительство, добыча ресурсов, медицина, образование, медиа, цифровые платформы. Чем больше уровней согласований и обновлений лицензий, тем сильнее зависимость.
- Монополия или олигополия на стороне бюрократии
- Если допуск к рынку, тендерам, реестрам контролирует один или несколько органов, лишённых реальной конкуренции и внешнего контроля, бюрократический капитал концентрируется и почти не поддаётся оспариванию.
- Высокая дискреция и слабые механизмы апелляции
- Когда правила допуска сформулированы расплывчато, а решения о выдаче/отказе трудны для обжалования, бюрократ получает возможность использовать должность как источник ренты без риска быстрых последствий.
- Информационное превосходство аппарата
- Аппарат и связанные с ним эксперты лучше знают внутренние регламенты, технические детали и статус заявителя, чем сам заявитель или внешние наблюдатели. Это позволяет «прятать» ренту в сложные формулы, критерии и процедуры.
- Слабость независимого суда и общественного контроля
- Если суд не может эффективно защищать от произвола, а гражданское общество и медиа не имеют достаточного доступа к информации и рычагам давления, бюрократический капитал получает почти свободное поле.

Когда эти условия сходятся, капиталист начинает играть на поле бюрократа: договариваться, платить, соглашаться на долю, менять стратегию, ориентируясь не только на спрос и прибыль, но и на стойкость своей позиции в отношениях с аппаратом. Подданные в этом режиме оказываются в положении «двойного подданства» – перед капиталом и перед должностью, причём вторая зависимость становится всё более определяющей.

4.5. Типы бюрократической ренты: регуляторная, процедурная, информационная

Чтобы увидеть, как именно должность превращается в капитал, полезно различать три основных типа ренты.

- Регуляторная рента
- Возникает из права устанавливать или менять правила игры:
 - определять требования к участникам рынка;
 - решать, какие товары и услуги допустимы;
 - вводить и снимать ограничения.

Регуляторная рента позволяет:

- продавать послабления, исключения, специальные режимы;
- заранее «подгонять» правила под конкретные интересы.
- Процедурная рента
- Связана с контролем над самим процессом прохождения процедур:
 - скоростью рассмотрения;
 - выбором очередности;
 - созданием или сокращением числа шагов.

Процедурная рента – это доход от управления временем и нервами людей:

- ускорение «за отдельную плату»;

- искусственное создание дефицита (очереди, «окна», квоты);
- блокировка конкурентов через постоянные придирки и «недостаточность» документов.
- Информационная рента
- Возникает из контроля над информацией и возможностью выборочно её раскрывать или скрывать:
 - знание того, что именно требуется для успешного прохождения процедур;
 - доступ к внутренней информации о конкурентах, проверках, предстоящих изменениях;
 - право вести или не вести публичные реестры.

Информационная рента позволяет:

- заранее готовиться к изменениям правил;
- продавать инсайдерскую информацию;
- манипулировать репутацией подданных и капиталистов.

Эти три вида ренты редко существуют в чистом виде. Обычно должность даёт доступ к их сочетанию: чиновник или управляющий платформа может одновременно влиять на правила, процедуры и информацию. Чем шире этот пакет, тем выше «стоимость» должности на неформальном рынке, тем больше сил будет вложено в её получение, удержание и наследование.

4.6. Перераспределение власти между классами

Если суммировать сказанное, получается простая, но далеко идущая картина:

- традиционная политэкономия видит конфликт труда и капитала и влияние государства как внешнего арбитра или инструмента;
 - введение бюрократического капитала добавляет ещё один центр власти – управленческий класс, контролирующий должности как особый тип актива;
 - в условиях высокой бюрократической захваченности именно этот класс получает возможность перераспределять преимущества между капиталистами и подданными, извлекая ренту из любой зависимости от шлюзов.

Это не отменяет классовой борьбы, описанной Марксом, и не опровергает веберовские типы господства. Но дополняет их принципиально новой осью: «собственность—должность». Собственник и бюрократ перестают быть однозначно «хозяином» и «слугой» – они оказываются носителями разных видов капитала, отношения между которыми зависят от структуры рент. Именно на этой оси и будет строиться дальнейший анализ бюрократической захваченности жизни и конфликта подданных с управленческим классом.

Часть I. Теоретический фундамент: от капитала к должности

Глава 5. Бюрократический класс как новый класс власти

В предыдущих главах речь шла о частях мозаики: капитале и труде у Маркса, «железной клетке» рациональной бюрократии у Вебера, интересах бюрократов и низового насилия у Нисканена, Бьюкенена и Липски. Теперь нужно собрать из этих фрагментов целую фигуру – бюрократический класс как особый класс власти, а не просто слой служащих. Для этого придётся сопоставить несколько традиций и показать, где именно «должность как капитал» выходит за их пределы.

5.1. От Маркса к Джиласу: намёки на новый класс

У Маркса главный конфликт проходит между теми, кто владеет средствами производства, и теми, кто вынужден продавать рабочую силу. Государство и его аппарат описываются как продолжение интересов господствующего класса, как инструмент сохранения существующего порядка. Даже там, где Маркс и Энгельс говорят о «относительной самостоятельности» государства, они не разворачивают отдельную теорию бюрократического класса: чиновничество – скорее маска и оружие капитала, чем самостоятельный игрок.

Джилас, напротив, в послевоенной Югославии увидел то, что Маркс не успел описать: партийно-административную номенклатуру, которая, не владея формально заводами и землёй, фактически распоряжается ими. Этот «новый класс» держит в руках ключи от назначения, распределения, наказания и награждения. Он живёт не за счёт рыночной прибыли, а за счёт своего положения в управленческой иерархии. Доступ к благам обеспечивается не куплей-продажей, а включением в закрытые списки. Здесь впервые ясно звучит мысль: можно не быть собственником, но быть хозяином – через контроль над механизмами управления.

Однако и у Джиласа этот новый класс жёстко привязан к конкретной исторической форме – коммунистической системе с монополией партии. Его опыт важен как лабораторный пример, но он не превращён в общую теорию бюрократического капитала, применимую к капиталистическим демократиям, гибридным режимам и цифровым платформам.

5.2. Вебер, Гребер и менеджериальные теории: бюрократия как судьба и как повседневный террор

Вебер показал бюрократию как необходимую форму рационального господства: без неё невозможны сложные организации, налоговые системы, армии, суды. Он увидел, как «железная клетка» процедур и разделения труда подчиняет себе и тех, кто управляет, и тех, кем управляют. Но для Вебера бюрократы – прежде всего носители определённого типа рациональности и профессионализма. Он замечает, что они образуют отдельный слой, заинтересованный в сохранении своей власти, но до конца не формулирует их как класс, владеющий специфическим капиталом – должностями.

Гребер дополняет эту картину, показывая бюрократию «снизу»: как мир форм, анкет, протоколов и регламентов, которые подавляют воображение и превращают насилие в нечто скучное и повседневное. Его «утопия правил» – это не мечта о порядке, а кошмар о том, как правила захватывают самые живые области жизни. Здесь видно, что бюрократическая логика проникает в корпорации, университеты, международные организации, платформы. Но и у Гребера речь идёт скорее о бюрократизации мира, чем о формальном выделении бюрократического капитала как отдельной формы власти.

Менеджериальные теории XX века добавляют ещё один слой: идея «управленческого класса», состоящего из менеджеров, администраторов, технократов, которые контролируют крупные организации независимо от формальной собственности. Здесь уже звучит мысль о том, что контроль над управлением важнее бумаги о владении. Но чаще всего этот управленческий слой рассматривается в рамках корпораций и государств без чёткого разведения между экономическим и бюрократическим капиталом: менеджер мыслится как продолжение капитала, а не как носитель отдельной ренты из контроля над шлюзами.

5.3. Должность как капитал и структура бюрократического класса

Если собрать все эти линии, появляется возможность чётко назвать то, что у предшественников оставалось намёком. Бюрократический класс в этой книге – это совокупность тех, кто систематически владеет должностями как капиталом, а не просто выполняет функции.

Структура этого класса неоднородна:

- верхний слой – руководители ведомств, регуляторов, судов, силовых структур, крупных корпораций и платформ, у которых в руках концентрируется регуляторная, процедурная и информационная рента;

- средний слой – начальники управлений, департаментов, служб, руководители проектов и подразделений, которые управляют конкретными шлюзами и потоками дел;

- низовой слой – те самые «люди в окошках», инспекторы, модераторы, операторы систем, у которых меньше стратегической власти, но есть локальная возможность решать судьбу отдельных людей и дел.

Объединяет их не зарплата и не формальная принадлежность к государству или бизнесу, а доступ к должностям, дающим власть над допуском и статусами. Этот доступ можно:

- получать по каналам карьеры, назначений, выборов;
- удерживать за счёт лояльности, компетенций, сетей взаимных услуг;
- конвертировать в деньги, связи, статус, иммунитет.

Так формируется бюрократический капитал – способность извлекать устойчивую ренту из своей позиции в системе управления. В отличие от экономического капитала, он не закреплён раз и навсегда юридической бумагой, но его можно накапливать, защищать и передавать по неформальным каналам – через семейные и клановые связи, корпоративные сети, закрытые круги профессионалов.

5.4. Отличие от «нового класса» Джиласа и технократии

Чтобы не раствориться в существующих понятиях, важно ясно отметить различия.

Отличие от «нового класса» Джиласа.

У Джиласа новый класс – это прежде всего партийно-административная номенклатура в системе, где формальная собственность коллективна, а фактическое распоряжение сосредоточено у партии. В предлагаемой рамке бюрократический класс:

- не привязан к одному типу режима: он проявляется и в коммунистических системах, и в авторитарных, и в либерально-демократических, и в гибридных;
- не ограничен государством: в него входят и управленцы частных платформ, и менеджеры крупных корпораций, и руководители наднациональных организаций;
- определяется не партийной принадлежностью, а контролем над должностями, дающими ренту из управления шлюзами.

Иначе говоря, джиласовский новый класс – исторически частный случай более общей фигуры: бюрократического класса в условиях, где экономический капитал формально национализирован.

Отличие от технократии.

Технократия – власть специалистов и экспертов, оправдываемая знанием и компетенцией. В этом образе акцент падает на содержательную экспертизу: инженеры, экономисты, специалисты по управлению якобы руководят обществом ради эффективности. В рамках «БЮРОКРАТА» важнее другое:

- не то, насколько компетентен человек, а то, к каким шлюзам он допущен;
- не только экспертные знания, но и институциональное право сказать «да» или «нет», включить или исключить.

Технократ может быть частью бюрократического класса, если его знания связаны с должностью, дающей ему власть над процедурами и реестрами. Но может и не быть: эксперты вне аппарата, университетские учёные, консультанты часто не имеют доступа к ключевым решениям. Бюрократический класс – это не «власть экспертов» как таковых, а власть тех, кто формально уполномочен управлять допуском, даже если его компетенция сомнительна.

5.5. Бюрократический класс в ландшафте теорий классов и элит

Встроить «должность как капитал» в общий ландшафт теорий классов и элит можно только одним способом: признав, что существующие карты неполны. Условно:

- марксистская традиция фиксирует конфликт труда и капитала, но недооценивает автономию управленцев;
- элитологические теории (Парето, Моска, Миллс) говорят о «властвующей элите», но редко разбирают, из чего именно состоит её капитал;
- менеджериальные подходы видят рост роли управленцев, но слабо формализуют их ренту из контроля над процедурами.

В предлагаемой схеме бюрократический класс становится полноправным участником:

- его капитал – должности и контроль над шлюзами;
- его рента – регуляторная, процедурная, информационная;
- его позиция – пересечение государства, бизнеса, платформ, международных организаций, религиозных и научных институтов.

Это не значит, что класс капиталистов исчез или стал второстепенным. Скорее, карта усложняется: в ряде исторических и институциональных условий бюрократический капитал подчинён экономическому, в других – доминирует над ним, превращая собственников в подданных аппарата. В дальнейшем именно через индексы бюрократической захваченности и анализ конкретных полей (социальное государство, миграция, регуляция, платформы) будет показано, как этот класс реализует свою власть и как с ним могут конфликтовать подданные.

Часть II. Бюрократическая захваченность: BCI, AOI, SI

Глава 6. Концепция бюрократической захваченности жизни (BCI)

BCI (bureaucratic capture index) – индекс бюрократической захваченности жизни.

BCI вводится как центральное понятие книги: попытка измерить не абстрактное «качество институтов», а то, насколько жизнь конкретных людей фактически захвачена решениями аппаратов и алгоритмов. Речь не о том, насколько «хорошо работает государство в среднем», а о доле судьбоносных решений, которые принимаются за спиной человека, в условиях монополии, произвола и непрозрачности.

Индекс бюрократической захваченности жизни (BCI) – это доля ключевых жизненных решений, которые

- зависят от решений аппаратов и алгоритмов,
- принимаются в условиях высокой монополии (нет альтернативного пути или органа),
- сопровождаются широкой свободой усмотрения исполнителей,
- опираются на непрозрачные правила и/или непрозрачные алгоритмы,
- слабо поддаются обжалованию и пересмотру.

6.1. Что именно измеряет BCI

Интуитивная картинка проста: человек живёт так, как позволяют ему процедуры. Чтобы родиться «правильно», учиться, работать, лечиться, открывать и закрывать дела, перемещаться, получать поддержку и защищаться от произвола, он проходит через цепочки решений, принимаемых чиновниками и системами. Где-то это один-два простых шага, где-то – многолетний квест с унижениями и отказами. BCI превращает эту интуицию в понятие.

Индекс бюрократической захваченности жизни (BCI) показывает, какая доля узловых решений в биографии человека:

- проходит через бюрократические аппараты и/или алгоритмические системы,
- завязана на монополизированные, дискреционные и непрозрачные шлюзы,
- фактически не оставляет человеку ни реального выбора, ни понятного способа защиты.

Под «ключевыми жизненными решениями» здесь понимаются узлы, вокруг которых строится биография:

- регистрация рождения, гражданства, базовых статусов;
- доступ к образованию, экзаменам, дипломам, профессиональным допускам;
- право на работу, регистрацию бизнеса, владение жильём и землёй;
- доступ к медицинской помощи и системе страхования;
- получение пособий, льгот, иных форм социальной поддержки;
- выезд, въезд, вид на жительство, гражданство, убежище;

– участие в политике и публичной жизни (регистрация партий, СМИ, инициатив, допуск к выборам);

– видимость и доступ в цифровых пространствах (регистрация, блокировки, ограничения на платформах).

Чем большую долю этих решений человек проходит через монополизированные, дискреционные и непрозрачные шлюзы, тем выше ВСИ. Высокий ВСИ означает: жизнь подданных в значительной степени принадлежит аппарату и коду, а не только их правам, талантам и ресурсам.

6.2. Три опоры ВСИ: монополия, дискреция, непрозрачность

Чтобы ВСИ не превратился в лозунг, нужно чётко обозначить, на чём он стоит.

Монополия аппаратов и алгоритмов

Решение принимается в точке, от которой нет реального ухода:

– только одно ведомство выдаёт нужный документ;

– только один орган вправе принять судьбоносное решение (о статусе, лицензии, гражданстве);

– только одна платформа или инфраструктура практически незаменима для участия в экономике или общении.

Монополия не обязательно закреплена в законе, но фактически альтернативы нет.

Дискреция – свобода усмотрения

Даже при наличии формальных правил исход дела зависит от того, кто именно рассматривает дело или как настроена система:

– критерии допуска размыты и допускают широкий диапазон трактовок;

– значительная часть решений принимается «по внутреннему убеждению»;

– нет строгой привязки между набором чётко проверяемых условий и исходом.

Там, где дискреция не ограничена понятными процедурами апелляции и контроля, она легко превращается в источник произвола и ренты.

Непрозрачность процедур и алгоритмов

Человек не знает и не может узнать:

– какие данные о нём собраны и использованы;

– какие именно правила или формулы применены;

– каковы возможные исходы и что могло бы их изменить;

– кто персонально или институционально отвечает за решение.

В цифровых системах это дополняется закрытостью кода, моделей и критериев обучения алгоритмов. Формула «так решила система» становится непробиваемой стеной.

ВСИ фиксирует не просто наличие бюрократии как таковой, а совпадение этих трёх опор вокруг ключевых жизненных решений. Можно жить в обществе с множеством процедур и при этом иметь относительно низкий ВСИ, если:

– есть конкурирующие поставщики услуг;

– решения жёстко связаны с прозрачными критериями;

– действует эффективная и понятная апелляция.

И наоборот, можно иметь немного формальных процедур, но очень высокий ВСИ, если несколько критических шлюзов монополизированы, дискреционны и непрозрачны.

6.3. Чем ВСИ отличается от привычных индексов «качества государства»

Международные организации уже давно измеряют, насколько «хорошо устроено государство».

– Индексы верховенства права (rule of law) оценивают независимость судов, предсказуемость применения законов, отсутствие грубой коррупции и произвольных арестов.

– Индикаторы эффективности управления (government effectiveness) смотрят на компетентность бюрократии, качество публичных услуг, способность правительства разрабатывать и проводить политику.

– Показатели «простоты ведения бизнеса» (ease of doing business) измеряли число процедур, время и стоимость основных административных шагов для фирм: регистрации, получения разрешений, подключения к инфраструктуре и т. п.

Все эти индексы важны, но они отвечают другим вопросам.

Иное направление взгляда

Индексы верховенства права и эффективности управления смотрят на государство «сверху»: насколько оно в среднем справедливо и дееспособно. Они часто опираются на экспертные оценки и агрегированные показатели.

ВСІ смотрит «снизу»: насколько жизнь конкретного подданного подчинена решениям аппаратов и алгоритмов, которые он не может обойти, понять и обжаловать.

Другой объект: не только бизнес, но и тело, биография, гражданство

Рейтинги делового климата концентрируются на фирмах и стандартных операциях.

ВСІ охватывает весь жизненный цикл человека: рождение, образование, работа, жильё, здоровье, движение, социальная защита, политическое участие, цифровое присутствие. В этом смысле ВСІ ближе к антропологии подданничества, чем к административной статистике.

Другие параметры: не просто «эффективность», а захваченность и поднадзорность

Государство может быть очень эффективным и предсказуемым – и при этом поддерживать высокий ВСІ:

– процедуры работают быстро, но альтернативы нет;

– решения принимаются последовательно, но по непрозрачным критериям;

– апелляция формально предусмотрена, но практически недоступна или не даёт эффекта.

ВСІ фиксирует не только качество, но и объём власти, который аппарат и алгоритмы имеют над жизнью людей.

6.4. Зачем нужен ВСІ для дальнейшего анализа

ВСІ встраивает бюрократическую тему в политическую экономию так же, как когда-то индексы прав собственности и верховенства закона встроили институциональную тему в анализ роста и неравенства. Он нужен, чтобы:

– сравнивать режимы и общества не только по уровню дохода, демократии и «качества институтов», но и по степени бюрократической захваченности жизни;

– формулировать гипотезы о том, как высокий или низкий ВСІ связан с ростом, неравенством, коррупцией, доверием и склонностью к протесту;

– оценивать, работают ли предложенные дальше «антидоты» – прозрачность с обязательной реакцией, право на объяснение и апелляцию, сокращение шлюзов, включение подданных в дизайн институтов – на реальное уменьшение захваченности, а не только на улучшение отчётных показателей.

В следующих главах ВСІ будет разложен на конкретные компоненты и связан с двумя дополнительными индексами – алгоритмической непрозрачности и подданничества. Вместе они позволят говорить о бюрократическом классе и революции подданных не только на языке метафор, но и на языке измеримых различий.

6.5. Пример расчёта индекса ВСІ для одной жизненной траектории

Чтобы ВСІ не остался абстракцией, важно показать, как его можно считать на уровне одного человека. Это не окончательная методика, а рабочий набросок, демонстрирующий логику.

Представим условную страну X и жителя А, 35 лет. За его жизнь выделим 10 ключевых решений:

- Регистрация рождения и получение свидетельства.
- Получение гражданства (для него или родителей).
- Поступление в школу и получение базового образования.
- Поступление в университет (или отказ).
- Регистрация первого рабочего договора или статуса индивидуального предпринимателя.
- Покупка и регистрация жилья.
- Получение крупного социального пособия (по безработице, инвалидности, материнский капитал и т. п.).
- Получение визы или вида на жительство за рубежом.
- Решение о крупной медицинской услуге (операция, дорогостоящее лечение).
- Регистрация и работа аккаунта на крупной цифровой платформе, от которой зависит доход (например, сервис такси или площадка для фриланса).

Для каждого решения задаём вопрос: в какой степени оно было принято в условиях монополии, дискреции и непрозрачности? Вводим условную шкалу от 0 до 1:

- 0 – решение почти не зависит от бюрократического или алгоритмического шлюза;
- 0,5 – зависит, но есть альтернативы, прозрачные правила, реальная апелляция;
- 1 – полностью зависит от монополизированного, дискреционного и непрозрачного шлюза.

Пример оценок:

- Регистрация рождения
- Процедура обязательна, но правила ясны, отказов почти нет, апелляция возможна.

Оценка: 0,3.

- Гражданство
- У родителей сложный статус, были задержки и неопределённость, решение принимало единственное ведомство с широкой свободой усмотрения. Оценка: 0,8.

– Школа

- Место в школе гарантировано, правила распределения понятны, апелляция работает.

Оценка: 0,2.

– Университет

- Формально опирается на баллы экзаменов, но значительная часть решения связана с «рекомендациями» и внутренним ранжированием, критерии непрозрачны. Оценка: 0,7.

– Работа / ИП

- Регистрация ИП занимает один день, процедуры стандартизированы, отказов мало.

Оценка: 0,2.

– Жильё

- Без регистрации в госреестре право собственности не признаётся; органы могут задерживать или блокировать регистрацию без ясных мотивов. Оценка: 0,7.

– Социальное пособие

- Назначение зависит от оценки «нуждаемости», критерии размыты, решения часто оспариваются, апелляция формально есть, но медленная и труднодоступная. Оценка: 0,8.

– Виза / вид на жительство

- Решение консульства или миграционной службы монополизировано, мотивировка минимальна, критерии отбора закрыты. Оценка: 0,9.

– Медицинская услуга

- Квота на операцию распределяется комиссией, часть критериев ясна, но очередь и приоритеты зависят от внутренних правил и личных решений врачей и чиновников. Оценка: 0,6.

– Платформа

– Аккаунт А в платформе такси заблокирован «по результатам проверки системы безопасности», объяснений нет, апелляция формальна и ни к чему не приводит. Оценка: 0,9.

Индивидуальный индекс бюрократической захваченности для этого человека можно задать как среднее значение по этим узлам (в реальной модели узлы будут иметь разные веса, но здесь берём простое среднее):

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.